

УДК 94(470.67)

XIX ВЕК И НЕКОТОРЫЕ ОРИЕНТИРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ДАГЕСТАНЦЕВ

М. М. Магомедханов

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

В статье рассматриваются перемены в историческом сознании дагестанцев, обусловленные вхождением Дагестана в состав России, интеграцией края в политическую, социально-экономическую, правовую системы, культурную среду Российского государства XIX века.

The article discusses changes in the historical consciousness of Daghestan people, caused by joining Russia, by integration of the region into political, socio-economic, legal systems, cultural environment of Russia of the XIX century.

Ключевые слова: дагестанцы; историческое сознание; русско-дагестанские отношения.

Keywords: Daghestan; historical consciousness; Russian-Daghestan relations.

XIX в. вошел в историю Кавказа как век России, век внутреннего переустройства края, время кардинальных перемен политических приоритетов, экономических отношений, духовно-нравственных, культурных ориентаций, век величайших исторических драм и перспектив. И если в предыдущие столетия русско-дагестанские отношения носили главным образом внешнеполитический характер, подкрепляемый периодическими военными, экономическими, дипломатическими и иными мерами, то в XIX в. эти отношения воспринимались царской администрацией как сугубо внутренние.

«Россия приняла под свою власть Грузинское царство. Это событие, – писал Р.А. Фадеев, – определило новые отношения государства с полудикими племенами Кавказа; из заграничных, чуждых нам они сделались внутренними, и Россия должна была подчинить их своей власти» [1].

Кавказ рассматривался Санкт-Петербургом как часть Российской империи. Государственные образования, общества и целые народы, в зависимости от их политической ориентации, были разделены на подданных, мирных, покорных и на изменников, бунтарей, хищников.

Кавказская война отразилась на судьбах всех народов края. Задача геополитического самоопределения стояла не только перед такими относительно крупными государственными образованиями Дагестана, как Шамхальство тарковское, Кайтагское уцмийство, Аварское и Казикумухское ханства, но и перед каждой сельской общиной – джамаатом, каждым союзом сельских общин или «вольным обществом».

«Шертования» депутатов от политических образований, ханств и обществ Северного Кавказа перед русскими царями от Ивана Грозного до Николая I, сложившиеся на этой почве взаимоотношения уже не устраивали Российскую империю. Северный Кавказ после завоевания Россией в 1552 г. Казанского и в 1556 г.

Астраханского ханств стал занимать прочное место в геополитических проектах Российской и Османской империй, Персии.

Военно-политическая и дипломатическая нейтрализация Порты после войны 1768–1774 гг., уступка Османской империей по Кючук-Кайнаджирскому договору Крыма, Правобережья Кубани и Кабарды, завоевание в 1783 г. Крымского ханства – эти и другие успехи России на Востоке позволяли считать вопрос присоединения Кавказа к Российской империи делом времени.

С 1801 г. Грузия, а с 1813 г., по Гюлистанскому договору, Азербайджан, т.е. почти все Закавказье, Правобережье Кубани и Терека, часть Приморского Дагестана были подчинены Россией. Историческая судьба Дагестана, как и всего Северного Кавказа, казалась предрешенной.

Россия, как и другие империи, жила геополитическими и экономическими интересами эпохи, ознаменовавшими XIX в. новым колониальным переделом мира. Философия «права сильного», идеи исторической неизбежности и «государственной надобности» покорения сильными странами «слабых» – все это гармонировало с нравственными приоритетами эпохи колониальных войн. Европейские державы продолжали смотреть на события вокруг Кавказа как на сугубо российское, или русско-турецкое, русско-иранское и в последнюю очередь как на русско-кавказское дело. Как и за другими империями, за Россией признавалась цивилизаторская в отношении народов Востока миссия.

Новым геополитическим миропорядком, а не мифическими социальными корнями и надуманной «набеговой системой» определялись причины Кавказской войны.

О Кавказской войне, о «хищничестве горцев», о том, что горцы являлись политически наивными, не ведавшими о своекорыстии Турции, Ирана, Англии, марионетками в их антирусской политике и о многом еще написаны, как заметил И.В. Карпеев, «горы литературы, по высоте сопоставимые с Главным Кавказским хребтом» [2].

Военные успехи России на Черном море и Балканах, в Персии, которая после войны с Россией 1804–1813 гг. отказалась от притязаний на Дагестан, Грузию, Кубинское, Ширванское, Карабахское и Гянджинское ханства, – все это затрагивало жизненные интересы народов края, а потому осознавалось ими. О могуществе Российской империи имели ясное представление и Сурхай-хан II Казикумухский, и Шихали-хан Дербентский, принимавшие деятельное участие в военном и дипломатическом противостоянии Ирана и России, и находившийся на русской службе аварский хан Султан-Ахмед, и добравшийся до Санкт-Петербурга по поводу передачи своей власти сыну Шамхал Тарковский, царский генерал-лейтенант. Знали о колоссальной мощи России и кайтагские уцмии, и акушинские кадии.

Целесообразность вооруженного противостояния северному колоссу, будущее Дагестана и его народов становились предметом раздумий и сомнений многих дагестанцев. Однако мысль о том, что далекая Турция и тем более Персия могут завоевать или покорить Северный Кавказ и Дагестан, находилась как бы вне сознания дагестанцев.

Со времени подписания Гюлистанского договора 1813 г. главенствующую роль в исторических судьбах народов Дагестана играла Россия. Страна Гор становилась субъектом России и объектом российской истории.

По мере ужесточения политики России на Северо-Восточном Кавказе сознание собственных интересов достигло в дагестанском обществе большей глубины и социально-психологического накала. Одновременно Дагестан, как и Кавказ в целом, в многочисленных проектах по обустройству России стал занимать едва ли не центральное место. Проекты эти содержали в себе здравые суждения и дальновидные предложения, касавшиеся главным образом стратегии войны и покорения горцев. В российском общественном сознании того времени сомнений относительно «государственной надобности» присоединения Северного Кавказа к России, по большому счету, не было. «В правомочности и неизбежности завоевания Кавказа сомнений не возникало, но потребность в стройной и убедительной оправдательной доктрине, безусловно, была...», – отмечает Я.А. Гордин [3].

Весомые аргументы своего господствующего присутствия и «обустройства» Кавказа заявляли Турция и Иран [4].

Джамааты, союзы сельских обществ, ханства вынуждены были сообразовывать свои политические ориентации со степенью военного присутствия в регионе России, Персии или Турции. Одни из них пытались обратить это присутствие в свою пользу, другие – терпеливо переносили, третьи – отчаянно сопротивлялись. Первых считали подданными или замиренными; вторых – притворщиками, склонными к измене; последних – враждебными. Между тем, в Петербурге под подданством понимали не только признание присягой подданства империи, но и подчинение, служение царской власти. К принятию подданства побуждали и соображения самозащиты от разорения войной. Как заметил А.Юров, «хотя мы их называли покорными, но они мечтали только о союзе с нами, но ни коем случае не допускают мысли о подчинении» [5].

«Имамы, – писал А.И. Лилов, – действуя попеременно, употребляли все усилия, чтобы организовать горское общество для сопротивления напору русских... Они действовали на массы не только силою оружия, но и убеждением, и в этом случае возбуждение мусульманского фанатизма было смысловым в их руках оружием. Всякий мужчина, желавший быть истинным последователем пророка и наследовать обещанный им рай, должен был взяться за оружие и вести ожесточенную войну (газават) с неверными (русскими). Но так как уже в начале нашего столетия многие горские общества находились в мирных отношениях с русскими (мирные горцы), то по отношению к газавату все горцы разделились на два лагеря. Мирные горцы и вообще все, не участвовавшие в газавате, носили презрительное название мунафиков, что значит неверный, безбожный, только притворяющийся мусульманином из корыстных расчетов. ... С другой стороны, последователи и приверженцы имама назывались мюридами». Поначалу «русское правительство, желая иметь во владетелях Дагестана, если не прямых подданных, то хотя бы не врагов, снисходительно смотрело на все их проделки, платило жалованье и давало чины» [6].

С назначением в 1816 г. генерала Ермолова главнокомандующим методы покорения края стали изощреннее и циничнее. Военно-стратегические «новшества» Ермолова, грезившего о лаврах Бонапарта и считавшего своим кумиром Цицианова, состояли, помимо прочего, в разрушении селений, поджоге полей, угоне скота, разграблении провианта. (По Ермолову: «голоду все подвержены, и он приведет к повиновению».)

Пользовался Ермолов и такими приемами усмирения непокорных, как подношения, устрашения, разжигание интриг и усобиц между обществами, вмешательство в семейные дела местных правителей и т.п. «Всю прочую мелкую каналью, дела-

ющую нам пакости и мелкие измены, – писал Ермолов, – начинаю прибирать к рукам. Первоначально стравливаю их между собой, чтобы не вздумалось им быть вместе, против нас, и некоторым уже обещал истребление, а другим казнь аманатов. Надобно по необходимости некоторых удостоить отличного возвышения, то есть виселицы» [7].

Сложившиеся ко времени и в ходе Кавказской войны политические коллизии во внутренней жизни Дагестана немало способствовали успеху политики «разделяй и властвуй». Напомним, что ни одно сколько-нибудь серьезное военное мероприятие периода Кавказской войны не обходилось без участия ханов и управлявшейся ими «туземной милиции» [8].

В надежде на мир и покровительство целые общества и народы Кавказа изъявляли покорность Белому Царю. Предводители, знать, почетные лица, уздени (вольные горцы) находили в царской службе способ обезопасить своих соплеменников от угрозы разорения войной, физического уничтожения, а многие и способ отличиться среди соплеменников чинами, приличным содержанием. По свидетельству Мухаммад-Тахира ал-Карахи, «одни шли с неверными вместе даже в войне против мусульман. Другие перемешивались с неверными и днем и ночью смешением предков, детей, братьев и внуков. Третьи отдавали неверным в заложники своих детей, ища чего-либо из их подачек. Четвертые делали управителем над своими домами какого-нибудь дьявола-соблазнителя из неверных, или же того среди них, самих, чьим поведением были довольны неверные, того, кто, будучи искренен в царской службе, снискал себе расположение царя и одобрял его политику, рассматривая ее как необходимое дело в правильном установлении их мирских и загробных дел..., жадно устремляясь к тому, что в их руках...» [9].

Феодальные владетели, принявшие подданство России, обязывались за сохранение за ними власти, воинских чинов, пенсионов и привилегий платить подати, формировать «туземную милицию».

Война, как известно, не была единственно возможным средством замирения края. Как писал А.И. Исламгагомедов, «неверным является представление, что единственно верным, исторически необходимым был путь борьбы, войны с Россией, что у дагестанских народов, особенно аварцев, преобладали антирусские настроения» [10]. (Символично в этой связи, что заслуга бескровного присоединения к России Мерва принадлежит генералу А.М. Алиханову-Аварскому.)

Драматизм и трагедия Кавказской войны усугублялись шестидесятилетним противостоянием державе, военное превосходство которой после побед в периодически возобновлявшихся русско-турецких и русско-иранских войнах, особенно после Отечественной войны 1812 г. и поражения Наполеона, было очевидно.

Война диктовала свои правила выживания, свои порядки социальных отношений и политической самоорганизации.

Объединение в единое государство – имамаат многочисленных обществ и политических образований Дагестана и Северного Кавказа связано с именем и деятельностью Шамиля.

В свое время Н.И. Воронов писал, что Шамиль «стремился быть больше мусульманином, чем дагестанцем, через что и проиграл все свое громадное значение в Дагестане» [11]. По-видимому, дело не только в личности Шамиля, а в причинах, не

всегда очевидных и объясняемых категориями «национально-освободительная борьба» или «мюридизм». (Для Шамиля и его мюридов смысл слова «мюридизм» был непонятен. «Я только простой уздень, тридцать лет борющийся за свободу», – говорил о себе Шамиль.)

В исследованиях о Кавказской войне присутствует, как правило, «этнологический подтекст»: понять и объяснить «специфику горской ментальности» как таковую. В этой связи уместен вопрос В.Ю. Сухачева: «...насколько вообще правомерно проецировать на концептуальные, идеологические, семиотические и т.п. комплексы европеизма в зоны, которые конституируются на иных основаниях, причем на иных бытийных основаниях [12].

К ряду «оснований», о которых говорит В.Ю. Сухачев, невозможно не отнести самоотверженную, поражающую воображение самых искушенных историков храбрость воевавших в Кавказской войне сторон.

Губительные для народов Северного Кавказа последствия той войны хорошо известны. В 1851 г. генерал-адъютант Аргутинский, командовавший войсками в Прикаспийском крае, в рапорте на имя князя Воронцова прозорливо заметил, что чрезвычайные со стороны горцев потери «...при постепенном расстройстве домашнего хозяйства неприятеля, породят в народе неудовольствие и ропот, которые, скрываясь от страха наказания, при удобном случае могут обнаружиться в нашу пользу» [13].

Тяготы и лишения военного времени довели население имамата до крайней степени напряжения сил и терпения. И чем тяжелее складывалась военная ситуация, тем жестче и строже были требования к должностным лицам и населению. По низамам Шамиля, от набов требовалось беспрекословное исполнение приказаний имама, «все равно... будет ли оно согласно с мыслями получившего приказание, или несогласно, или даже в том случае, если исполнитель считал себя умнее, воздержаннее и религиознее имама». Наибы должны были: «оставить решение дел по шариату муфтиям и кадиям и не входить в разбирательство тяжб, хотя бы были и алимами. Им предоставляется вести дела только военные» [14].

В период Кавказской войны на завоеванных территориях возводились военные крепости и по мере продвижения в глубь страны выдвигались далее на юг «кордонные линии», представлявшие собой цепь казачьих поселений, обустроенных опорными пунктами, дозорами. Уже ко второй половине XIX в. казачьими станицами было занято все правобережье Терека. Такая стратегия колонизация применялась главным образом в других частях Северного Кавказа и почти не коснулась Дагестана.

По мере утверждения в Дагестане царская администрация все более втягивала и впутывала себя в местечковые политические проблемы. Население от перемены форм притеснения («своими» феодалами, наибами Шамиля или царской администрацией) мало что обретало; во многих частях Дагестана оно оставалось индифферентным к русской власти и даже враждебным к Имамату. Как отмечал Н.А. Добролюбов, «управление Шамиля казалось тяжело для племен, не привыкших к повинности, а выгод никаких от этого управления не находили. Напротив, они видели, что жизнь мирных селений, находящихся под покровительством русских, гораздо спокойнее и обильнее. Следовательно, им представлялся уже выбор – не между свободой и покорностью, а только между покорностью Шамилю без обеспечения своего спокой-

ствия и жизни, и между покорностью русским с надеждою на мир и удобство быта. Само собой разумеется, что рано или поздно выбор их должен был склониться на последнее» [15].

В заключение приведем следующие слова С. Габиева: «Мы любим и верны всегда России; мы доказали это и в Севастопольскую кампанию, и в Польское восстание 63 года, и в Ахал-Текинском походе Скобелева, и в Русско-Турецкой войне 1877–78 г., и в последнюю Манджурскую Войну; на клич Царя мы всегда откликались и шли умирать добровольцами, дружинниками; мы делали это любя Россию, которая стала нашим отечеством. И конечно, за все это, мы ожидали отеческого попечения о себе со стороны правительства ...» [16]. Политика сплочения народов Дагестана вокруг верноподданнических идей «единства царя и народа» была направлена на обеспечение спокойствия в крае, на «привитие» населению «начал гражданственности». Она имела основательное пропагандистское, образовательно-просветительское и экономическое «обеспечение», давала зримые результаты интеграции Дагестана в общероссийскую государственную систему. Вместе с тем именно на вторую половину XIX – начало XX в. приходится отмеченное академиком Г.Г. Гамзатовым возрождение духовности дагестанских народов, их национальной художественной культуры [17].

К началу XX в. интеллектуальную элиту Дагестана представляли не только последователи арабо-мусульманской культурной традиции, но и новая, русско-европейски образованная генерация дагестанских просветителей, студенчества, офицеров, служащих и чиновников, буржуазии. Через эту интегрированную в интеллектуальную среду России дагестанскую элиту до Страны Гор с тысячелетней историей исламской культуры доходило многое, в том числе рожденные Европой идеи национализма и марксизма. Но это предмет отдельного рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фадеев Р.А.* Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 2.
2. *Карнеев И.В.* Документы РГВИА о Кавказской войне XIX в. // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001, С. 239.
3. *Гордин Я.А.* Кавказ: Земля и Кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. С. 11.
4. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50-е гг. XIX века : сб. док. / сост. *В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов.* Махачкала, 1959.
5. *Юров А.* Три года на Кавказе (1837–1839) // Кавказский календарь. Т. IX. Тифлис. 1885. С. 1–2.
6. История Апшеронского полка. 1700–1892. Т. 1. СПб., 1892. С. 346.
7. Письмо Ермолова к Закревскому от 18 ноября 1816 г. // Рос. гос. б-ка. Отд. рукоп. Ф. 325. Ед. хр. 33. Л. 66.
8. *Лапин В.В.* Национальные формирования в Кавказской войне // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 108–125.
9. Хроника Мухаммада Тахира ал-Карахи «О дагестанских войнах в период Шамиля». Махачкала, 1998. С. 34–35.
10. *Исламмагомедов А.* Аварцы. Историко-этнографическое исследование ХУШ – нач. XX вв. Махачкала, 2002. С. 66–67.

11. *Воронов Н.И.* Из путешествия по Дагестану // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 25.
12. *Сухачев В.Ю.* Этическая и национальная составляющая в кавказском конфликте: пришествие «чужого» // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001. С. 178.
13. История Апшеронского полка. 1700-1892. Т. II. С. 208.
14. Кодекс Шамиля. Махачкала, 1992. С. 9–10.
15. Первое полн. собр. соч. Н. А. Добролюбова / под ред. *М.К. Лемке*. Т. 4. СПб., 1911. С. 157.
16. Заря Дагестана. 1912. № 1, 28 февр.
16. *Гамзатов Г.Г.* Дагестанский феномен возрождения. XVIII–XIX вв. Махачкала, 2000. 324 с.

Поступила в редакцию 12.02.2016 г.

Принята к печати 25.03.2016 г.